

**Стефан Соммье**

# **О черемисах**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 316  
ББК 60.5  
С79

С79      **Стефан Сомье**  
О черемисах / Стефан Сомье – М.: Книга по Требованию, 2012. – 36 с.

**ISBN 978-5-458-08154-2**

Этнографическо-антропологический очерк профессора Ст. Сомье. Перевод В. МОскалевой под редакцией и с примечаниями Д. П. Никольского. Перепечатано из XVII тома "Записок Уральского Общества любителей естествознания"

**ISBN 978-5-458-08154-2**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



почтовую дорогу въ Киргизшанъ и проѣхать сколомъ полусутокъ этотъ путь черезъ лѣса и болота, по вполне дикой мѣстности. Можно подумать, что эти инородцы, живущіе на Уралѣ, стремились избѣжать чуждаго вліянія какъ со стороны христіанъ, такъ и магометанъ, и искали убѣжища въ самыхъ дикихъ мѣстахъ страны. Дорога, ведущая къ нимъ, едва намѣчена; и, вѣдь, будь лучшее время года, нельзя было бы добраться туда даже и въ коробкѣ. Приходилось проѣзжать по топкимъ болотамъ и дѣвственнымъ лѣсамъ столѣтнихъ сосенъ и березъ, живописно охраняющихъ Старую деревню. Окрестности усиливаютъ поэтичность этой маленькой колоніи народа, простого до наивности, и остававшегося среди послѣдователей Христа и Магомета, упорно привязаннымъ къ своимъ языческимъ вѣрованіямъ.

Вблизи самой деревни расположены обработанные поля. Среди золотистыхъ колосьевъ тамъ и сямъ поднимается нѣсколько сухихъ стволовъ дикихъ сосенъ, съ изогнутыми, причудливыми вѣтвями, одни еще живыя, другія уже мертвыя, должно быть священныя деревья, къ которымъ не смѣетъ прикоснуться топоръ Черемиса. Вдали, среди поля, мелькаютъ то бѣлыя рубашки то какой нибудь оригинальный половной уборъ. Черемисы, и женщины и мужчины, заняты уборкою полей. Подъѣзжаю къ деревнѣ, кругомъ частоколъ (плетень), входъ загороженъ, будто въ крѣпости. Но эта ограда предназначается только для того, чтобы не пропускать лошадей и коровъ. Проѣхавъ загородку, нахожу, что ужасная дорога дѣлается еще ужаснѣе; и тина, смѣсь грязи и навоза, настоящая топь, въ которой вязнуть лошади, колеса не вертятся, и коробку грозитъ опасность исчезнуть въ грязи. Будто для облегченія пути, отъ времени до времени, поперекъ дороги положены стволы деревьевъ, которые прозятъ переломать ноги лошадямъ (нами такъ называемые слань). Здѣсь есть мѣста, гдѣ земля такъ глубоко разжижилась, что безъ этого рода мостовъ не выбралась бы изъ грязи ни одна черемисская телѣга. Впрочемъ, я видѣлъ, что тамошніе жители пользовались санями даже въ разгаръ лѣта, потому что во многихъ мѣстахъ этой болотистой мѣстности нельзя совсѣмъ проѣхать на колесахъ.

Наконецъ я въѣхалъ въ середину деревни; на широкой улицѣ, окаймленной низенькими деревянными домиками, никого, кромѣ коровъ, лошадей, овецъ и цѣлыхъ стадъ гусей. Кое-какіе ребятишки, которые въ грязи играли вмѣстѣ съ домашними животными, едва завидѣвъ необычайную повозку, обратились въ бѣгъ.

ство и скрылись въ избахъ. Я принялся стучать въ одну, другую дверь, нѣтъ отвѣта; кое-гдѣ за заборомъ или въ углу окна виднѣлся то женскій головной уборъ, то бѣлобрысая головка ребенка; они изподтишка смотрѣли на меня, борясь между любопытствомъ видѣть и желаніемъ скрыться.

Думая, что ихъ пугаетъ мой европейскій видъ, я отправилъ съ дипломатическою миссіею своего кучера, сказавъ ему, что-бы онъ стучалъ въ избу, не такъ бѣдную на видъ, и спрашивалъ, нельзя ли получить или самоваръ или горячей воды заварить чай, предметы въ которыхъ никогда, ни одинъ подданный Русской имперіи не откажетъ. Но черезъ четверть часа мой посланный вернулся съ извѣстіемъ, что онъ у многихъ дверей стучался, что нѣкоторыя хозяйки отвѣтили на стукъ, но что ни одна не хочетъ пустить въ избу, потому что всѣ мужчины въ полѣ на работѣ. Я былъ столько-же огорченъ, сколько и мой кучеръ, онъ потому, что лишился случая напиться чаю, я потому, что, сдѣлавъ такой путь, не буду, пожалуй, имѣть возможности видѣть Черемисовъ Старой деревни иначе, какъ въ зрительную трубу.

Вспустя немного времени, появились признаки, возбуждашіе во мнѣ надежду. Сначала новыползами изъ своихъ тайниковъ ребятишки, къ нимъ мало по малу стали присоединяться и нѣкоторыя женщины. По немногу на улицѣ образовались группы, которыя съ любопытствомъ разглядывали меня. Едва я дѣлалъ шагъ впередъ, онѣ дѣлали два назадъ, и если я еще приближался, всѣ исчезали за дверями избъ. Разсчитывая на любопытство Евинныхъ дочерей, я вооружился терпѣніемъ и не ошибся.

Я преспокойно уселся на свой коробокъ, и весьма скоро около меня образовался кругъ женщинъ и дѣтей; кругъ этотъ мало по малу суживался, и явилась возможность разговаривать. Разговаривать — да, но понимать другое дѣло. Большая часть этихъ женщинъ ни слова не понимала по-русски. Наконецъ самая знающая и самая храбрая выдвинулась впередъ, и я могъ объяснить, что хотѣлъ бы купить нѣкоторые предметы ихъ одежды и ихъ украшеній. Поворилъ еще, что хочу ихъ сфотографировать. Но при всемъ стараніи, я не могъ дать имъ понять, что именно хочу дѣлать. Тѣмъ не менѣе я досталъ аппаратъ, и мнѣ удалось сдѣлать, или лучше сказать украсть два, три мгновенныхъ снимка. Дѣло пошло было на ладъ, какъ вдругъ откуда-то взылась какая-то старуха, родъ старой вѣдьмы, которая испортила мнѣ удовольствіе. Она заборн тала Богъ знаетъ, что на

своемъ языкѣ, должно-быть сказала, что я могу ихъ сглазить и что онѣ должны беречься моихъ колдованій. Она сдѣлала то, что женщины и дѣти снова исчезли, и я опять остался одинъ среди пустой улицы.

На мое счастье скоро одинъ изъ мужчинъ вернулся съ поля. Позднѣе я узналъ, что онъ оставилъ работу, считая этотъ день какъ-бы праздникомъ, какъ годовщину смерти одного изъ своихъ сыновей. Этотъ человѣкъ не разъ бывалъ въ сосѣднихъ русскихъ деревняхъ и зналъ моего кучера. Онъ пригласилъ меня къ себѣ въ избу пить чай и „нуру“ (мѣстное пиво), съ своей стороны я предложилъ ему бутылку водки <sup>1)</sup> и нѣсколько табакъ; такимъ образомъ было установлено полнѣйшее согласіе. Весьма скоро его изба сдѣлалась общимъ сборищемъ, гдѣ всѣ пили и ѣли, и пока большая деревянная посуда, полная нуры, обходила кругомъ отъ одного рта къ другому, происходила продажа рубахъ, шапочекъ, головныхъ уборовъ, серегъ, ожерелій. Всякій страхъ исчезъ какъ-бы волшебствомъ, я могъ, сколько хотѣлъ, фотографировать; и когда, уже вечеромъ, я уходилъ, тѣ самыя женщины, которыя за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ ни за что не показали-бы мнѣ близко ни одного предмета своей одежды, и теперь, прельщенные выгодой, полученной отъ продажи, бѣжали за мной по улицѣ и предлагали, кто еще рубашку, еще вышитый платокъ, еще головной уборъ.

Я осматривалъ далѣе много черемисскихъ деревень. На Уралѣ я побывалъ въ деревняхъ Карши, Артемьевка, Нижний-Поташъ, Юва (Красноуфимскаго уѣзда); на Волгѣ, въ окрестностяхъ Казани, я побывалъ въ Петиялѣ и Сотнурѣ, проживая въ нѣкоторыхъ болѣе сутокъ, и вездѣ мнѣ приходилось главнымъ образомъ бороться противъ чрезвычайной робости, или, лучше сказать, недовѣрчивости. Въ сущности Черемисы весьма добры и гостепріимны. Главная трудность заключалась въ возможности измѣрить и фотографировать ихъ. Одни отказывались неимѣніемъ времени, хотя полдня проводили безъ дѣла, смотря только на то, что мы дѣлаемъ; другіе требовали платы. То гово-

<sup>1)</sup> Если мы возмущаемся подобнымъ способомъ для сближенія съ инородцами, допускаемымъ торговцами, разными промышленниками и т. п., но со стороны человѣка интеллигентнаго и образованнаго такой способъ еще болѣе долженъ быть для насъ страннымъ. Дѣйствительно, благодаря водкѣ, къ которой Черемисы такъ пристрастны, можно сдѣлать все, что хотите; Черемисы послѣ водки дѣлаются болѣе развязнымъ и болтливымъ. *Ред.*

рили, что имъ болѣе смотрѣть на фотографическій аппаратъ; были и такіе, которые простодушно сознавались, что боятся. Если же случалось, что ихъ какойнибудь выдумкой возбуждали противъ меня—все было кончено. Въ такихъ случаяхъ мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ собрать пожитки и убраться въ другую деревню. Но только одинъ разъ, въ Ювѣ, на Уралѣ, меня приняли положительно скверно. Меня отправили въ адъ и другія мѣста, о которыхъ прилично умолчать, спрашивали: „что я Богъ на землѣ, или самъ Царь, что осмѣливаюсь требовать отъ нихъ подобныхъ вещей?“ Что могли они себѣ вообразить?

Одна изъ самыхъ характеристичныхъ чертъ Черемисовъ—упрямство, свойственное всемъ финскимъ народамъ. Когда Черемисъ разъ почемунибудь скажетъ нѣтъ, бесполезно и настаивать; не бывало случая, чтобы онъ измѣнилъ свой отвѣтъ. Если онъ за какойнибудь предметъ назначилъ цѣну—весьма рѣдки случаи, что бы онъ уступилъ чтонибудь,—не потому, что предметъ дѣйствительно стоитъ назначенной цѣны, а только потому, что онъ вбилъ себѣ въ голову получить за него столько. Мнѣ случалось, напримѣръ, давать 2 рубля съ половиною за три вещи, изъ которыхъ за каждую они только что просили по рублю, „4 рубля за все три“, былъ отвѣтъ. Напрасны были все разъясненія, все доказательства, счеты по пальцамъ, что три раза по рублю будетъ три рубля, а не четыре. Если я хочу имѣть три вещи долженъ платить четыре рубля.

По послѣдней переписи число Черемисовъ простирается до 259745 душъ; на Уралѣ ихъ живетъ (весьма) небольшое количество (4746 въ Пермской губерніи и 48993 въ Уфимской), гораздо больше ихъ живетъ на Волгѣ, именно на лѣвомъ берегу, т. е. въ сѣверу отъ этой рѣки, и далѣе по направленію съ запада на востокъ (102028 въ Казанской губ., 100513 въ Вятской, 16391 въ Костромской и 1826 въ Нижегородской). Черемисы Казанской губер. нѣсколько произвольно раздѣлены на Черемисовъ луговыхъ и Черемисовъ горныхъ. Подъ горами подразумѣвается правый берегъ Волги, который сильно возвышается надъ русломъ рѣки, отъ между тѣмъ какъ лѣвый берегъ совершенно низмененъ.

Различныя части черемисскаго народа, отдаленныя одна отъ другой, имѣютъ между собою мало точекъ соприкосновения. Вотъ почему, хотя главные черты остались тѣже самыя, Черемисы различаются между собою многочисленными частностями; даже языкъ настолько измѣнился въ своихъ формахъ, что образо-

валъ нарѣчія. Рѣзкія измѣненія существуютъ въ одеждѣ. Напр., у Черемисовъ Уральскихъ, которыхъ я посѣщалъ, замужнія женщины носятъ на головѣ оригинальную остроконечную шапочку, называемую шенашявушо (различные образчики которой можно видѣть на фотографической группѣ на стр. 124 \*). Волосы скручены въ двѣ косы, изъ которыхъ одна уложена на темени, а другая образуетъ надо лбомъ хохоль, въ родѣ рога, служащаго точкой опоры для шенашявушо. Замужнія Черемиски Казанской губ., гдѣ я былъ позднѣе, вмѣсто шапочки носятъ на головѣ длинный кусокъ вышитой матеріи, шарпанъ и другой поменьше, *назмакъ*, приколотый на затылкѣ двумя булавками, на концахъ которыхъ укрѣплены мѣдныя цѣпочки съ небольшими стеклянными бусами (бисеромъ) и серебряныя монеты. Эти застежки называются быгольця (на моей фотографіи, стр. 218, можно видѣть, какъ располагаются на головѣ различные куски, о которыхъ я говорю). Грубые серьги, называемыя *комонъ-кертъ*, сдѣланныя изъ маленькихъ серебряныхъ брусочковъ, изогнутыхъ въ видѣ когтей (см. стр. 218), надѣваются исключительно въ торжественныхъ случаяхъ и составляютъ принадлежность только Казанскихъ Черемисокъ. Исключительную принадлежность Уральскихъ Черемисокъ составляютъ, какъ полагаю, трехугольные платки, которые онѣ надѣваютъ въ торжественные дни.

Дѣвушки не носятъ ни остроконечныхъ шапочекъ, ни шарпанъ, а заплетаютъ волосы въ одну косу и спускаютъ ее по спинѣ. Высоко на затылкѣ, но отдѣляясь отъ головы, такая коса убирается небольшимъ кружкомъ, украшеннымъ стеклянными бусами или же металлической пуговицей; внизу косы прикрѣпляется украшеніе въ томъ-же родѣ, т. е. одна или нѣсколько серебряныхъ монетъ. Верхній кружокъ и нижнія украшенія составляютъ одинъ предметъ туалета, такъ какъ соединены вмѣстѣ однимъ или нѣсколькими шнурочками, которые вплетаются въ косу. Этотъ уборъ черемисскихъ дѣвушекъ носитъ названіе *ипо-нѣмъ-пурго* или *суранкескепи*.

Замужнія женщины (по крайней мѣрѣ на Уралѣ), въ противоположность дѣвушкамъ, которыя ходятъ всегда съ открытою головою, не смѣютъ показывать своихъ волосъ ни одному мужчинѣ своего племени. Это составляло мнѣ большое затрудненіе всякій разъ, какъ я хотѣлъ измѣрить ихъ голову. Нужно бы-

\*) Итальянскаго текста.

ло удалять изъ комнаты всѣхъ мужчинъ и тогда только онѣ соглашались снять шапочку съ головы. Въ другомъ случаѣ одна женщина держала растянутымъ большой платокъ, что-бы закрыть ту, голову которой я измѣрялъ; то же дѣлали Остяки въ Сибири. Только разъ удалось мнѣ уговорить замужнюю женщину позволить снять съ нея фотографію безъ шенашявушо.

Онгмуцка, продолговатая полоса кожи, покрытая монетами, которая виситъ отъ шеи и закрываетъ разрѣзъ рубашки (фиг. дѣвушки на стр. 250), какъ поцеама, трехугольная или квадратная пластинка, такъ-же покрытая монетами, которую женщины носятъ на груди (стр. 218), составляютъ принадлежность Волжскихъ Черемисокъ. Уральскія Черемиски вмѣсто этого украшенія носятъ на груди большія мѣдныя кружки различной величины, которыя видны на рубашкѣ (см. фиг. на стр. 226).

Далѣе изображено оригинальное украшеніе, которое Волжскія Черемиски надѣваютъ на талию сзади въ день своей свадьбы. Оно называется тоянисте.

Большая цѣпь изъ раковинъ, называемая аршіасъ, надѣвается въ такихъ-же случаяхъ. Ихъ надѣвается двѣ, обѣ, какъ перевязь, по одной черезъ плечо, цѣпь на шеѣ женщины (см. стр. 218).

Изображенная далѣе круглая шапочка, покрытая овалными монетами, надѣвается Уральскими Черемисками только во время свадьбы. Онѣ называютъ ее *такіе*.

Ожерелье изъ раковинъ и бусъ, которое черемисскія дѣвушки Волжскихъ округовъ носятъ вокругъ шеи, называется шигуръ. (См. ожерелье дѣвушки на фотографіи, на стр. 250).

Впрочемъ и между Волжскими Черемисами встрѣчаются рѣзкія различія въ одеждѣ (на стр. 245); тутъ шапочка, которую носятъ женщины Царевококшайска, формою своею очень отличается и отъ шенашявушо, и отъ полотнянныхъ кусковъ, употребляемыхъ въ окрестностяхъ Казани. Разница въ одеждѣ между отдѣльными деревнями, вѣроятно, произошла отъ вліянія времени, что видно также изъ описаній старыхъ авторовъ, какъ Палласъ; Гмелинъ, Георги. Описанія одежды Черемисовъ, данныя Палласомъ, почти сходятся съ одеждою тѣхъ деревень, которыя я видѣлъ на Уралѣ, и дѣйствительно онъ посѣщалъ Черемисовъ этой области. Но эти описанія весьма отличаются отъ описаній Гмелина и Георги и описаній, сдѣланныхъ Реклю (смотри также Ст. Коммье, *Un Estate in Siberia*; „Одно лѣто въ Сибири“ стр. 15.)

Всѣ Черемисскія женщины, какъ Волжскія, такъ и Уральскія, носятъ длинную вышитую рубашку грубаго бѣлаго полотна, открытую на груди, которая падаетъ прямо до самыхъ ногъ и придерживается вокругъ талии пестрымъ, различныхъ цвѣтовъ, шерстянымъ поясомъ, украшеннымъ на концахъ бусами и т. д. Эти рубашки отличаются между собою только болѣе или менѣе роскошною вышивкою. Когда женщины работаютъ въ полѣ или остаются дома, у нихъ нѣтъ другой одежды на спинѣ, но въ торжественные дни онѣ носятъ поверхъ рубашекъ родъ кафтана, открытаго до низу и схожаго съ рубашкою и матеріаломъ, и вышивкою. Иногда вмѣсто этого носятъ кафтанъ изъ русскаго сукна.

Мы уже говорили о роскоши вышивокъ какъ рубашекъ, такъ и кафтана, на что женщины посвящаютъ длинный зимній досугъ; изяществомъ ихъ рисунковъ я не могъ налюбоваться. Не менѣе роскошныя и изящныя вышивки находятся на квадратныхъ или трехугольныхъ платкахъ, которыми въ торжественныхъ случаяхъ женщины покрываютъ головы. Кромѣ того, эти платки бываютъ украшены, какъ и шапочки и шенашавушо, монетами и мелкимъ стекланнымъ бисеромъ или бусами.

На Уралѣ женщины носятъ панталоны или родъ голенищъ изъ такого-же грубаго полотна; въ Казанской губер. онѣ обертываютъ ноги отъ колѣнъ до ступни полосой грубаго темнаго войлока, привязаннаго тонкой бичевкой изъ мочала, которая прикрѣпляется къ лаптамъ или сандалиямъ изъ лыка (см стр. 245). Иногда носятъ подвязанный у пояса передникъ, называемый ондierasamъ, тоже вышитый. Въ торжественныхъ случаяхъ многія надѣваютъ нѣсколько такихъ передниковъ, одинъ на другой, радуясь въ глубинѣ души, что на нихъ надѣты всѣ ихъ вышитыя богатства, какъ скупой радуется монетамъ, накопленнымъ имъ въ сундукъ; одинъ передникъ закрываетъ другой, и никто не видитъ того, что находится внизу.

Серьги представляютъ большое разнообразіе, какъ это можно видѣть по образчикамъ. Онѣ бываютъ длинныя и короткія; вообще онѣ соединяются между собою посредствомъ пѣпочки или ленты, которыя проходятъ сзади головы. Почти всѣ эти серьги у Черемисокъ Уральскихъ имѣютъ у самаго уха пучекъ самаго нѣжнаго лебяжьяго пуха, или у кого поскромнѣе, то пухъ домашнихъ гусей.

*Одежда мужчинъ* лѣтомъ состоитъ изъ простой рубашки

блѣго полотна, которая также вышита, но не такъ роскошно, какъ женская рубаха, и придерживается у талии поясомъ; панталоны полотняные; (они сами ткуть грубое полотно, употребляемое на одежду какъ мужчинами, такъ и женщинами), русскіе сапоги, или у болѣе бѣдныхъ лапти или сандалии, употребляемыя всѣми Финнами въ Россіи, какъ и русскимъ мужикомъ, и войлочная шляпа, которую они сами валяютъ, дополняетъ ихъ костюмъ. Иногда сверхъ рубахи носятъ кафтанъ русскаго сукна.

Женскія украшенія всегда представляютъ предметы изъ мѣди, отдѣлку изъ бусъ, раковинъ, пуговицъ и монетъ настоящихъ и фальшивыхъ. Европейскія пуговицы имѣютъ всегда большую привлекательность для всѣхъ народовъ, стоящихъ на первой ступени цивилизаціи. Вы ихъ всегда найдете въ числѣ украшеній, будь онѣ металлическія, перломутровыя или стеклянныя. Тоже можно сказать о мелкихъ Венеціанскихъ побрякушкахъ. Но какъ то удивительно найти у Черемисовъ въ числѣ украшеній морскую раковину, ушовку (Surgua moneta), ту самую, которая употребляется многими варварскими народами, какъ монета и какъ украшеніе.

Какъ пуговицы и стеклянныя побрякушки, кажется, что и ушовка имѣетъ особенное обаяніе для первобытныхъ народовъ; въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что отъ тропическихъ морей до мѣста нашего собранія рѣдкостей—разстояніе громадное. Съ Тихаго океана и Восточныхъ морей привозятся въ Англію ежегодно цѣлыя бочки этой монеты-раковины, и оттуда развозятся по западному берегу Африки и служатъ для Европейца предметомъ обмѣна (въ однихъ статистическихъ свѣдѣніяхъ я нашелъ, что только въ одинъ годъ въ Англію было привезено 60000 килограммовъ money cowry, т. е. монеты-раковины), съ мѣстными обитателями; съ берега эта торговля распространяется по всему черному континенту. Такую же точно ушовку показывалъ нашъ президентъ \*), какъ украшеніе Лелчійскихъ женщинъ, взятую въ Сикимѣ, на берегахъ Имали. Лепардъ нашелъ ушовку на развалинахъ Вавилона. Какое разстояніе пространства и времени!

Какими путями шли эти раковины тропическихъ морей къ берегамъ Волги, чтобы служить украшеніемъ женщинамъ ничтожнаго народа, который притомъ еще не имѣетъ ни малѣйшей склонности къ торговлѣ? Вѣроятно какимъ нибудь большимъ тор-

\*) Т. е. президентъ Флорентинскаго Этнографическаго Общества.

говымъ путемъ древнихъ, который шелъ главнымъ образомъ изъ Бухары, проходилъ киргизскія степи и поднимаясь по Волгѣ, достигалъ центра Россіи. Эти раковины давно уже находятся въ числѣ украшеній степныхъ народовъ, Киргизовъ и Туркменовъ.

Между стеклянными бусами, которыя служатъ украшеніемъ черемисскимъ женщинамъ, находятся иногда маленькіе шарики изъ красноватой массы, имѣющей крѣпость среднюю между воскомъ и резиной. На выставкѣ въ Екатеринбургѣ, между предметами вотятской одежды, мы видѣли цѣлое ожерелье, составленное изъ такихъ же шариковъ, сдѣланныхъ изъ той-же массы, но гораздо крупнѣе, величиною почти съ вишню. Я не могъ получить никакихъ свѣдѣній о происхожденіи этой массы. Разсматривая позднѣе во Флорентинскомъ музеѣ предметы, принадлежащіе Лепчии Сиккимской, собранные проф. Мантегацца, я нашелъ такіе-же маленькіе шарики изъ той-же массы. Нужно полагать, что это также продуктъ восточный, попавшій на берега Волги тѣмъ-же путемъ, какъ и раковины.

Кромѣ того, у всѣхъ Восточныхъ Финновъ въ большомъ употребленіи серебряныя монеты, какъ украшеніе. У Черемисовъ можно найти ихъ нашитыми густыми рядами на оригинальныхъ нагрудникахъ (поцкама, что женщины носятъ на груди, и которые иногда представляютъ цѣлое состояніе). Поцкама, надѣтая на женщинѣ, рис. на стр. 218, довольно небольшихъ размѣровъ. Намъ случалось видѣть такія, которыя закрывали всю грудь. Монеты нашиваютъ на платки, которыми покрываютъ голову въ праздничные дни, на шапочки; укрѣпляютъ на серьгахъ, на косахъ волосъ. Дайте женщинѣ серебряную монету, черезъ нѣсколько минутъ вы ее увидите, какъ украшеніе, на какойнибудь части одежды. Въ Казанской губерніи почти вся ходячая серебряная монета пробита, потому что предметы женской одежды замѣняютъ Черемискіе кошельки, и когда она желаетъ купить аршинъ ситцу или курицу, она отрѣзаетъ отъ своей шапочки или отъ своихъ серегъ монету въ 10 или 20 коп. Ихъ глазъ такъ привыкъ къ этому роду украшеній, что онѣ не могутъ безъ него обойтись, и такъ какъ онѣ не достаточно богаты, чтобы иммобилизовать такой капиталъ, онѣ прибѣгаютъ къ фальшивымъ монетамъ.

Упорство народа сохранять какуюнибудь данную форму доказывается еще большимъ употребленіемъ у Черемисовъ овальной монеты, которая съ давнихъ временъ не существуетъ въ

Россіи; находятся еще женскія шапочки, которыя ими покрыты, и составили-бы счастье нумизмата. Еще и теперь фабрикуется въ большомъ количествѣ фальшивая монета этой формы, единственно для употребленія русскихъ Финновъ. На берегу Камы есть небольшое мѣстечко, Рыбная Слобода, главное производство котораго заключается въ выдѣлкѣ этой фальшивой монеты и другихъ металлическихъ украшеній, принятыхъ Финнами на Волгѣ и на Камѣ.

Описывая всѣ предметы, вывезенные изъ Черемисской страны, скажемъ еще нѣсколько словъ объ ихъ музыкальныхъ инструментахъ. У нихъ существуетъ родъ цитры о 19 струнахъ, которую они называютъ „киеля“ (гусли Русскихъ). На ней играютъ обѣими руками, держа ее на колѣняхъ, закругленной стороной къ себѣ. Интерваллы мнѣ казались, согласно нашему слуху, достаточно вѣрны; общій эффектъ однако далеко не былъ пріятный, потому что аккомпаниментъ ведется въ минорномъ, а напѣвъ въ мажорномъ тонѣ.

Другой музыкальный инструментъ, болѣе употребительный, есть волынка, называемая шіабуръ<sup>1)</sup>; въ немъ обѣ трубочки сдѣланы изъ ножной кости какой-то птицы, кажется журавля, а мѣшокъ, какъ мнѣ говорили, изъ мочевого пузыря коровы. Третій инструментъ есть „тимуръ“, <sup>2)</sup> круглый или овальный барабанъ, сдѣланный изъ дерева и собачьей кожи. Всѣ эти инструменты находятся какъ у Черемисовъ Уральскихъ, такъ и у Волжскихъ. У Черемисовъ Уральскихъ существуетъ еще большая труба въ формѣ рога, сдѣланная изъ дерева, обернутаго лукомъ. Мнѣ еще рассказывали, что иногда играютъ и на русской балайкѣ, даже на скрипкѣ. Вездѣ есть мужчины, которые играютъ на всѣхъ этихъ инструментахъ, употребляемыхъ специально для танцевъ. Я слышалъ одну женщину, которая съ большимъ искусствомъ наигрывала печальные мотивы русской пѣсни.

Я присутствовалъ на одномъ изъ ихъ баловъ. Танцевали двѣ женщины; онѣ медленно двигались кругомъ, не поднимая ногъ отъ земли, дѣлая движенія руками и легко изгибая тѣло,

<sup>1)</sup> Произносятъ еще шіадръ и шиверъ, смотря по уѣздамъ; Георги называетъ этотъ инструментъ шіуберъ и говоритъ, что еще въ употребленіи у Чувашей.

<sup>2)</sup> Георги называетъ черемисскій барабанъ кобась и говоритъ, что онъ употребляется и у Чувашей. Кобась это отъливный музыкальный инструментъ.